

Олли Улиш

Букет

с веткой
ПОЛЫНИ

Олли Улиш

Букет с веткой полыни

<https://litres.ru/74164938>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дерек был ослеплён блеском титулов. Анель была лишь мимолётным увлечением, исцелившим его тело, но не душу. Он уехал, не оглянувшись, оставив ей лишь горькую ветку полыни на память.

Десять лет спустя он возвращается — израненный войной, потерявший всё, кроме хромой ноги и чувства вины. Но Анель уже не та робкая девушка. Она создала свою жизнь, свой мир. И в этом мире есть маленькая девочка, которая называет его «раненым драконом» и верит, что он снова сможет летать.

Удастся ли ему смыть горечь прошлого и стать тем, кого они так долго ждали?

Содержание

Глава 1. Падение	4
Глава 2. Знахарка	13
Глава 3. Одна ночь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олли Улиш

Букет с веткой полыни

Глава 1. Падение

Солнце едва начало подниматься над восточными холмами, а наследник Арденов уже стоял на крыльце особняка. Настроен Дерек был, как всегда, решительно. Конюхи выводили лошадей, псары с трудом удерживали свору гончих, а на кухне спешно упаковывали корзины с провизией. Молодой лорд задержек не терпел.

Высокий, широкоплечий красавец в тёмно-зелёном охотничьем камзоле, он с плохо скрываемым раздражением наблюдал за суетой. Утренний ветер трепал его тёмные волосы, а в серых глазах плясали бесенята предвкушения. Охота была его стихией. Отправляясь в лес он чувствовал себя непобедимым, и именно здесь испытывал тот азарт и свободу, которых так не хватало в остальной жизни.

— Рико! — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Если этот олух у конюшни ещё раз перетянет подпругу моему жеребцу, я велю выпороть его на глазах у всех. Хромой конь — не конь, а корм для собак.

Рико, молодой человек семнадцати лет, стоял чуть поодаль. Он не был дворянином — сын обедневшего мелкого

аристократа, которого старый лорд из милости взял в услужение. Но Дерек быстро разглядел в парне острый ум и цепкость и приблизил к себе, сделав кем-то средним между слугой и приятелем. Рико носил камзол попроще, чем у господ, но сидел он на нём ладно, а говорил всегда коротко и по делу. И самое главное — в нужный момент умел улыбнуться и разрядить любую неловкую ситуацию, умело лавируя между сторонами.

— Я прослежу, милорд, — спокойно ответил он. — Однако ваш отец просил передать, что сегодня ожидается гроза. Старый егерь говорит, что лисы уходят в низины, а это самый первый признак. Лорд Эдгар советовал бы перенести охоту.

Дерек громко расхохотался. Гости, собравшиеся во дворе, подхватили его смех, даже не зная причины.

— Мой отец последние пять лет только и делает, что советует! — Он легко, едва коснувшись стремени, взлетел в седло. — Советует не скакать быстро. Не пить много. Или, к примеру, жениться на унылой леди Маргарет, у которой отличное приданое и вечное кислое лицо — якобы одно уравновесит другое. — Он натянул поводья, заставляя жеребца плясать на месте. — Гроза! Пусть небо боится меня, а не наоборот!

Рико покачал головой, но промолчал. С Дерекком спорить было бесполезно — особенно сегодня.

Охота началась, как и полагалось: шумно, с гиканьем загонщиков и залиvistым лаем гончих. Лиса попалась хитрая,

матёрая. Она дважды вводила свору в овраги и пересекла ручей, путая след. Гости постепенно отставали, усталые лошади храпели, но Дерек лишь сильнее сжимал бока жеребца и гнал вперёд.

— Милорд! — крикнул кто-то из егерей, отставших на добрых полсотни шагов. — Она идёт к Старому лесу! Там овраги, после дождей земля рыхлая!

Дерек не обернулся. Он видел только рыжий хвост, мелькавший между стволами, и чувствовал знакомый огонь в крови — азарт, делавший его глухим ко всему, кроме погони.

Ветки хлестали по лицу, оставляя царапины. Жеребец храпел, но шёл ровно, и Дерек чувствовал себя единым целым с этим зверем — так, как бывает только в миг наивысшего напряжения.

Лиса юркнула в кусты у края оврага. Дерек рванул поводья, заставляя коня взять левее, но земля под копытами предательски поплыла. Размытый дождями склон не выдержал веса всадника и лошади.

Он понял, что падает, за секунду до того, как мир перевернулся. Жеребец пронзительно заржал. Дерек попытался выпрыгнуть из седла, но шпора намертво зацепилась за стремя. Небо. Земля. Ветки. Снова небо. А потом удар о землю. Приложился он знатно. Так, что из лёгких вышибло воздух.

А ещё настаивал страшный хруст в правой ноге. Звук был таким отчётливым, что Дерек слышал его раньше, чем

пришла боль. А когда она пришла — перед глазами вспыхнула белая пелена. Мужчина лежал на дне оврага, глядя в серое сентябрьское небо, и не мог пошевелиться. Жеребец хрипел рядом. Хороший конь. Верно, уже не быть ему отличным скакуном. И всё из-за дурацкой лисьей охоты.

«Как глупо», — подумал Дерек. И это была последняя связная мысль перед тем, как сознание померкло.

Очнулся он от голосов. Над ним нависло знакомое лицо.

— Рико...

— Милорд! Лорд Дерек! Вы слышите меня?

— Не кричи ты, — с трудом выговорил Дерек. Губы не слушались, во рту был вкус крови и земли. — Я жив.

— Слава Создателю... — Рико перекрестился. — Лекаря! Быстро! Носилки сюда!

— Тише, — прохрипел Дерек и снова закрыл глаза.

Старый лорд Эдгар вошёл в комнату сына, тяжело опираясь на трость. Собственная нога беспокоила его уже много лет, но то были боевые раны. Отец долго стоял молча, глядя на то, во что превратилась правая нога наследника. Лекари, вызванные из столицы за баснословные деньги, сделали что могли: сложили кость, зашили разорванную плоть, наложили лубки. Но лица у них были такие, что лорд Эдгар сразу всё понял.

— Что скажете? — спросил он глухо.

Столичный врач, седой мужчина с выпученными глазами, развёл руками:

— Перелом сложный. Осколки кости задели жилы. Мы сделали всё возможное, но... боюсь, ходить его светлость не сможет. Если не случится чуда.

— Врач говорит мне про чудо, — зло бросил лорд Эдгар. В его голосе слышалась застарелая усталость человека, который привык терять. — Мой сын всю жизнь ходит по грани. Боюсь, для таких, как он, чудеса не предусмотрены.

Когда они остались вдвоём, Дерек открыл глаза. Лицо его было серым, на лбу выступила испарина — боль не уходила, лишь глухо пульсировала под повязками.

— Отец.

— Я здесь, сын.

— Я самонадеянный дурак.

Лорд Эдгар не стал спорить. Он сел на край постели и положил сухую, морщинистую ладонь на руку сына.

— Ты жив. Это главное.

— Нет. — Дерек скрипнул зубами. — Ты слышал лекаря. Я калека. Лучше бы сдох там, у оврага.

— Не смей так говорить.

— А что мне говорить? Что я встану и снова сяду в седло? Что буду танцевать на балах? — Он попытался приподняться, но боль пронзила ногу, и он со стоном откинулся на подушки.

Лорд Эдгар долго молчал. Свеча на столе оплывала, от-

брасывая на стены причудливые тени.

— Господин...

В дверях возникла сторбленная фигура.

Это был Тоб — старый слуга, который пришёл в поместье ещё при деде нынешнего лорда. Тощий, седой, с лицом, изрезанным морщинами, он помнил времена, о которых другие уже забыли. Знал каждую деревню в округе, каждую тропу и все новости окрестных земель.

— Дозвольте обратиться, господин.

— Говори, Тоб.

— Мне бы лично с вами. — Старик покосился на дверь.

— Дело-то деликатное.

Лорд Эдгар вышел в коридор, притворив за собой дверь. Тоб мялся, теребил край рубахи.

— В деревне, что на самой окраине ваших владений, живёт одна женщина. Знахарка. Старая уже, лет ей, почитай, за семьдесят. Но люди говорят, что она творит чудеса.

— Чудеса творят шарлатаны, чтобы дураков обирать, — нахмурился лорд Эдгар.

Тоб покачал головой:

— Я своими глазами видел, как она подняла парня, которого лошадь копытом в грудь ударила. Деревенские уже отпевать его собирались, а через месяц он сено ворошил, будто ничего и не было. И это не единственный случай, господин. Я бы не стал говорить, если бы не знал наверняка.

Лорд Эдгар долго молчал, вглядываясь в морщинистое

лицо старика. Тоб не отводил глаз.

— Где она живёт?

— Деревня Глухой Лог, сразу за Старым лесом. Места там угрюмые, но я дорогу хорошую знаю. Если прикажете, отвезу молодого господина хоть завтра.

— А что она просит за помощь? Золото?

Тоб усмехнулся в седые усы:

— Ничего не просит. Странная она. Но сила в ней есть, это точно.

Лорд Эдгар посмотрел на закрытую дверь, за которой лежал его единственный сын.

— Завтра поедете. Готовь повозку, Тоб. Ты отправишься с ним.

На следующее утро Рико пришёл попрощаться. Вид у него был встревоженный и виноватый — словно он предавал господина, оставаясь в тепле и безопасности, пока того везут неведомо куда.

— Я бы поехал с вами, милорд, — сказал он, стоя у постели. — Но ваш отец...

— Знаю. — Дерек чуть усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Хоть ты не кисни. Отец прав: кто-то должен следить за делами, пока я тут валяюсь бревном. А ты поможешь ему.

— Я буду ждать вас. И молиться.

— Молись, — Дерек закрыл глаза. — Вдруг прибегу на своих двоих твоими-то молитвами.

Повозку подали к крыльцу. Дерёка перенесли на носилках — каждое движение отдавалось болью, но он стиснул зубы и не проронил ни звука. Тоб уже сидел на козлах рядом с возницей. Лорд Эдгар стоял на крыльце и провожал взглядом повозку, которая выезжала за ворота. Он не перекрестил сына вслед. Похоже, старик не верил всерьёз, что это поможет.

Они ехали долго. Дорога становилась всё хуже, пока не превратилась в едва заметную тропу, петлявшую между замшелых валунов и столетних елей. Тоб что-то негромко рассказывал вознице — про лес, старую деревню и знахарку, которая живёт там с незапамятных времён. Дерек не слушал. Он лежал на тюфяках, набитых соломой, смотрел в небо и думал о том, что, возможно, стоит смириться: он едет в эту глушь умирать.

К вечеру деревья расступились. В сумерках показался покосившийся забор, за ним — небольшой домик с соломенной крышей. Из трубы поднимался дымок. У крыльца, на деревянной скамье, сидела девушка и перебирала сухие травы.

Она подняла голову, услышав скрип колёс. Дерек увидел совсем юное лицо, обрамлённое светлыми, почти льняными волосами, и внимательные глаза, слишком серьёзные для её возраста. На вид ей было лет семнадцать, может, чуть больше.

— Приехали, — сказал Тоб, слезая с козел. — Слава Создателю, не заплутали.

Дверь дома отворилась. На пороге стояла сухая старуха с

крючковатым носом и цепким взглядом.

— Привезли, — сказала она не то спрашивая, не то утверждая. Голос был неожиданно глубоким, с хрипотцой. — Занесите. Чего встали?

Тоб почтительно поклонился ей.

Дерека подняли на руки. Он застонал, не сумев сдержаться. Девушка со скамьи бесшумно поднялась и отворила дверь, пропуская мужчин внутрь.

Когда его проносили мимо неё, он поймал её взгляд. Серые глаза смотрели оценивающе.

— Как тебя зовут? — спросил он хрипло.

— Анель, — ответила она тихо.

— Красивое имя.

Она ничего не ответила, только опустила глаза. Но в тусклом свете закатного солнца Дерек успел заметить, как порозовели её щёки.

Дверь за ним закрылась. В доме пахло травами, тихо потрескивал очаг. Старуха склонилась над ним, разглядывая повязки, и хмыкнула:

— Хорошо поработали лекари. Но не всё в их силах. Принеси-ка мне корзинку с притирками, Анель. Если всё сделаем верно, может, и будет бегать ещё.

Глава 2. Знахарка

Домик внутри оказался просторнее, чем выглядел снаружи. Низкий потолок, сложенный из потемневших от времени балок, давил на плечи, заставляя пригибаться даже тех, кто был невысок ростом. Вдоль стен тянулись полки, уставленные глиняными горшками, пучками сушёных трав и бутылками из тёмного стекла. В углу, у небольшого очага, тлели угли, и от них поднимался горьковатый, терпкий дым, от которого першило в горле.

Дерека уложили на широкую деревянную лавку, застеленную грубым, но чистым одеялом. Он стиснул зубы. Каждое движение отдавалось в ноге пульсирующей болью и огляделся. Обстановка была бедной, но во всём чувствовался порядок. Каждая вещь лежала на своём месте, пыли не было.

Старуха, которую Тоб назвал знахаркой, склонилась над его ногой. Двигалась она удивительно быстро для своего возраста — пальцы, сухие и узловатые, ловко разматывали повязки, наложенные столичными лекарями.

— Меня зовут Берта, — сказала она, не поднимая головы. — А тебя мальчик, как звать? Не суди строго, но здесь титулы не в ходу.

Дерек хмыкнул. Боль измучила его, и он не собирался церемониться.

— Мне всё равно, как тебя звать. Ты можешь меня выле-

чить или нет?

Берта наконец подняла на него глаза. Взгляд у неё был странный — не злой и не добрый, а какой-то... изучающий. Так смотрят на явление, которое предстоит разгадать.

— Может, и могу. А может, и нет. Всё зависит не только от меня.

— Что это значит?

— А то и значит, — старуха отвернулась и бросила через плечо: — Анель, неси тёплую воду. И корзинку с притирками, ту, что на верхней полке. Да осторожнее, там склянка с маслом, не разбей.

Девушка, которую Дерек видел у крыльца, бесшумно скользнула в соседнюю комнату и вернулась с корзиной. Двигалась она легко, но без суеты. Дерек заметил, что она старается не смотреть на него — опускает глаза, прячет лицо за прядями светлых волос. Смущается? Или просто не хочет лишнего внимания?

Берта тем временем сняла последний слой повязки. Дерек скосил глаза вниз и пожалел об этом. Нога была будто чужой. Неестественной, синюшной, с уродливыми швами там, где лекари стянули раны.

— Хорошо поработали, ничего не скажешь, — проворчала Берта, ощупывая кость. — Кость сложили верно, но жилы зажали. Кровь не ходит как надо. А без крови — какое заживление? Вот то-то и оно.

Она обернулась к Анель:

— Готовь отвар. Тот, что с окопником. И добавь коры ивы — три щепотки, не больше. И притирку с арникой носи. Будем разгонять кровь.

Анель кивнула и снова исчезла в полутьме соседней комнаты. Дерек услышал, как она звенит склянками и что-то негромко напевает себе под нос. Мелодия была простой, даже детской, но в ней было что-то успокаивающее, как колыбельная.

— Внучка твоя? — спросил Дерек, чтобы отвлечься.

— Внучка, — кивнула Берта, не прекращая работы. — Сирота. Мать её, дочка моя, умерла родами. Отец... — Она недоговорила и махнула рукой. — Анель со мной с пелёнок. Дар у неё, милорд. Удивительный, только начал проявляться. Такого давно не было в нашем роду.

— Дар? — Дерек усмехнулся. — Колдовать умеет?

Берта резко выпрямилась и посмотрела на него с неожиданной строгостью.

— Ты, молодой господин, языком-то не мели. Я не про колдовство говорю. Дар — это не заклинания тебе всякие и не порча. Это когда руки знают, что делать. А сердце такое доброе, что любого выходит. Даже самого безнадёжного. Начало это приходит недавно, ещё и года не прошло. Но сила уже чувствуется.

Дерек хотел ответить что-то язвительное, но в этот момент Берта надавила на какое-то место чуть выше колена, и он взвыл от боли. Перед глазами поплыли круги.

— Терпи, — спокойно сказала старуха. — Будет ещё много боли. Но если ты не слаб духом, то будешь ходить.

Вернулась Анель. В руках у неё была глиняная плошка, от которой поднимался пар, и стопка чистых тряпиц. Она поставила всё на скамью рядом с Бертой и, поколебавшись мгновение, подошла ближе.

— Дай я, — сказала она тихо. — У тебя пальцы устали.

Берта посмотрела на внучку внимательным взглядом, потом кивнула и отошла, уступая место.

Анель опустилась на колени рядом с лавкой. Дерек чувствовал тепло её ладоней — она ещё не прикоснулась к нему, но руки уже держала близко, почти над самой кожей, и от них шёл странный, едва ощутимый жар.

— Я буду делать притирку, — сказала она, по-прежнему не поднимая глаз. — Будет жечь. Но это хорошо. Значит, кровь просыпается.

— Делай что хочешь, — буркнул Дерек.

Она зачерпнула из плошки густую, пахнущую травами мазь и начала осторожно втирать её в кожу вокруг швов. Прикосновения были лёгкими, почти невесомыми, но там, где проходили её пальцы, кожа начинала гореть — сначала слабо, потом всё сильнее.

Дерек стиснул зубы и уставился в потолок. Он не собирался показывать слабость перед какой-то деревенской девчонкой.

— Тебе очень больно, — сказала Анель. Но я чувствую,

что все будет хорошо.

— Ничего. Терпимо.

— Врёшь. Но это не страшно. Мужчины всегда врут, когда им больно.

Он не нашёлся что ответить.

Она работала молча. Пальцы двигались по ноге — то легко, то с нажимом, находя какие-то точки, о существовании которых Дерек не подозревал. Иногда она замирала, закрывала глаза и словно прислушивалась к чему-то. Тогда жар под её ладонями усиливался, и боль на мгновение отступала, сменяясь странным, тянущим чувством. Как будто внутри что-то вставало на место.

Прошло около часа. Дерек потерял счёт времени. За окном сгущалась темнота. Берта гремела горшками у очага, готовя новый отвар. Тоб и возница сидели во дворе, у телеги, и тихо переговаривались — их голоса доносились сквозь приоткрытую дверь.

Наконец Анель убрала руки. Лицо её покраснелось, на лбу выступила испарина. Она выглядела усталой.

— На сегодня всё, — сказала Берта, подходя с кружкой в руках. — Выпей.

Дерек приподнялся на локтях и взял кружку. Отвар пах горько и терпко, на вкус был ещё хуже. Но он выпил до дна, не поморщившись.

— Теперь спи, — велела старуха. — Завтра будет новый день. И новая работа.

— Где мне спать?

— Здесь. Лавка широкая. Анель принесёт тебе подушку. Может не так удобно будет, но выбирать не из чего. Да и ноге твоей лучше на жёстком.

Она повернулась и вышла, оставив их вдвоём.

Анель принесла старую подушку, пахнущую сухими травами, и одеяло из овечьей шерсти. Помогла Дереку устроиться поудобнее. Когда она наклонилась поправить одеяло, он впервые за вечер поймал её взгляд.

— Спасибо, — сказал он неожиданно для самого себя.

Она робко улыбнулась.

— Не благодари пока.

— Ты боишься темноты?

— Нет. — Она покачала головой. — Темноты я не боюсь.

И прежде чем Дерек успел спросить что-то ещё, Анель выскользнула за дверь.

Он остался один. За окном шумел ветер, где-то в лесу кричала ночная птица. Боль в ноге постепенно утихала, сменяясь глухой усталостью. Дерек закрыл глаза и провалился в сон — тяжёлый, вязкий, без сновидений.

Последнее, что он помнил перед тем, как уснуть — запах трав и тепло её ладоней, которое, казалось, всё ещё оставалось на его коже.

Прошла неделя.

Дерек привыкал к новому распорядку медленно, со скри-

пом. Каждое утро начиналось с ужасно горького отвара, от которого сводило скулы. Потом Берта осматривала ногу, ворчала, цокала языком и давала указания Анель. Та делала притирки, меняла повязки, поила его новыми снадобьями. Дерек терпел. Проклятую боль, унижительную беспомощность и бесконечные часы вынужденного безделья.

С Тобом он простился на третий день. Старый слуга мялся, явно не желая оставлять господина в лесной глуши, но Дерек был непреклонен.

— Езжай, — сказал он. — Отцу доложишь, что я жив и лечусь. Рико привет передавай, если дела не будут в порядке, значит он виноват. Возвращайся через месяц. Если к тому времени не встану, прикопаешь меня в этой глуши.

Тоб вздохнул и уехал. Дерек остался в компании двух женщин и своей боли, которая стала его постоянной спутницей.

Но странное дело — с каждым днём оттенки этой боли менялись. Из острой, рвущей она превращалась в ноющую, но терпимую. Опухоль спадала. Кожа вокруг швов обретала нормальный цвет. Берта говорила, что дело идёт на лад, но Дерек не торопился верить.

Он много лежал. Потому что других вариантов у него не имелось. И поневоле наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Анель постоянно хлопотала по дому. На заре она уходила собирать травы, пока роса не сошла. Потом они со старухой готовили снадобья, тихо напевая свои странные мелодии. С

Бертой внучка говорила всегда кратко, но уважительно. Но всё-таки иногда в её глазах мелькало упрямство.

Она почти не заговаривала с ним. Отвечала, если спрашивал, но сама никогда не начинала разговор. И всё же Дерек чувствовал её присутствие острее, чем хотелось бы. Проходила ли она мимо его лавки, протягивала ли кружку с отваром — каждый раз между ними словно пробегала искра. Тихая, незаметная, но он её чувствовал. И, кажется, она тоже.

Однажды вечером, когда Берта рано ушла спать, сославшись на усталость, они остались вдвоём. Анель сидела у очага и толкла в ступке сушёные коренья. Дерек лежал на своей лавке и смотрел в низкий потолок.

— Почему ты всё время молчишь? — спросил он вдруг.

— А о чём говорить?

— О себе расскажи что-нибудь. О своей жизни. Почему ты здесь, в этой глуши, а не в городе? Молодая, красивая — могла бы удачно выйти замуж.

Она чуть усмехнулась — впервые за всё время он увидел на её лице что-то кроме серьёзности и робости.

— Кому нужна бесприданница из леса? Да и бабушка одна не справится. Кто-то должен перенять дело.

— И ты хочешь всю жизнь провести здесь? Лечить деревенских, собирать травы?

— А что плохого в том, чтобы лечить деревенских и собирать травы? — Она подняла на него глаза. — Ты вот благородный, богатый, а лежишь сейчас на моей лавке и пьёшь

мои отвары. Выходит, и от меня есть толк.

Дерек не нашёлся с ответом. Он и сам не понял, зачем начал этот разговор. Может, от скуки. Его кипучей натуре было сложно столько времени проводить в одном положении. А тут всё-таки девушка, молоденькая и симпатичная. Все остальное он уже рассмотрел настолько подробно, что мог рассказать про каждую проклятую банку на стеллаже и, кажется, скоро мог сам сказать где какая хранится притирка и пучок травы.

— Прости, — сказал он неожиданно. — Я не хотел тебя обидеть.

— Ты меня не обидел. — Она вернулась к своей ступке. — Просто не понимаешь нашу жизнь, и не поймёшь. Только и думаешь, как вернуться домой и забыть все это как страшный сон.

Дерек хотел возразить, но не стал. Потому что она была права. Он здесь временно. Залечит ногу — и уедет. Вернётся в свою жизнь, к охоте, балам и прочей благопристойной жизни.

Наверно отец прав и пора ему остепениться.

Прошёл ещё один день. Боль утихала. Берта всё чаще позволяла Анель заниматься ногой самостоятельно. Дерек привык к её прикосновениям. Он больше не вздрагивал, не напрягался, когда её пальцы касались кожи.

Иногда она, делая притирку, закрывала глаза. И тогда ему

казалось, что он чувствует тепло не только снаружи, но и внутри — глубоко, под кожей, в самых костях. Будто что-то просыпалось, начинало двигаться.

— Что ты делаешь? — спросил он однажды.

— Слушаю, — ответила она просто.

— Что можно услышать в моей ноге?

— Кровь бежит. Или бежит, но неправильно. Боль. — Она открыла глаза. — Твоя боль говорит со мной. Я чувствую, где сломалось. И помогаю ей уйти.

Дерек хотел рассмеяться. Звучали её речи как бред. Но он уже видел, как спадает опухоль и затягиваются швы. И смеяться передумал.

— Ты странная, — сказал он.

— Знаю. — Она улыбнулась. Кажется её порадовали его слова. — Мне это часто говорят.

Он поймал себя на мысли, что хочет увидеть эту улыбку снова.

На десятый день Берта разрешила ему сесть.

— Осторожно, — сказала она, поддерживая под спину. — Ногу пока не нагружай. Просто спусти ноги с лавки. Посиди. Привыкай, что можешь двигаться понемногу.

Дерек сел. Голова закружилась. Он вцепился пальцами в край лавки и ждал, пока мир перестанет плыть.

Анель стояла в стороне и смотрела на него. В глазах у неё было любопытство. Казалось, что она искренне за него пе-

реживает.

— Ты молодец, — сказала она тихо.

— Я всего лишь сел.

— Для тебя это много. Ты не представляешь насколько.

Дерек не ответил. Но ему было приятно. Возникло ощущение, что сегодня он сумел сесть, а завтра горы свернёт.

Вечером этого же дня он снова лежал на лавке и смотрел в потолок. Анель возилась у очага. Берта спала.

— Анель, — позвал он.

— Да?

— Расскажи что-нибудь. Мне опять не спится.

— Что рассказать?

— Какую-нибудь историю. Ты ведь знаешь истории?

Она задумалась. Потом отставила ступку, пересела поближе к его лавке и заговорила — тихо, напевно, словно рассказывала сказку ребёнку.

— Есть одно место в этом лесу. Очень старое. Там растёт дуб, которому, говорят, больше тысячи лет. И под этим дубом есть родник. Вода в нём холодная, сладкая и целебная. Бабушка говорит, что раньше туда приходили люди со всей округи — за исцелением. Они оставляли дары, загадывали желания. Но потом про дуб забыли. И теперь к нему ходят только звери. И я.

— Ты веришь в эту сказку?

— Это не сказка. — Она посмотрела на него серьёзно. —

Я не раз там была. И вода действительно целебная. Я добавляю её в твои отвары.

Дерек помолчал.

— А желание ты загадала?

— Конечно, загадала.

— Какое?

— Не скажу. Иначе не сбудется.

Она улыбнулась — на этот раз лукаво, даже как-то дерзко. И Дерек вдруг почувствовал странное желание встать и подойти к этой девушке. Погладить её по волосам, обнять. Наваждение какое-то.

За окном завывал ветер. Под этот звук и свои странные мысли он медленно провалился в глубокий сон. В этом сне Анель шла на родник босая, в белом платье и улыбалась ему. А он хотел догнать её и коснуться. Но никак не мог.

Глава 3. Одна ночь

На семнадцатый день Дерек встал.

Это случилось утром, когда солнце только начало пробиваться сквозь мутное, затянутое облаками небо. Берта стояла рядом, готовая подхватить, если нога подведёт. Анель замерла у двери, прижимая к груди пучок какой-то травы — она как раз вернулась с улицы и застыла на пороге.

— Давай, — сказала Берта. — Медленно. Ставь здоровую ногу. Теперь вторую. Не бойся.

Дерек не боялся. Он ждал этого момента каждый день. Семнадцать бесконечных дней беспомощности, боли, горьких отваров и унижительной зависимости.

Он спустил ноги с лавки. Уперся ладонями в дерево. Оттолкнулся.

Мир качнулся. Правая нога отозвалась тупой болью. Но она работала, правда пока была не готова к прежней удали. Но она впервые за семнадцать дней она держала его вес.

— Стою, — выдохнул он.

— Стоишь, — подтвердила Берта. В голосе её не было удивления. — Я же говорила. Если дух есть — тело слушается.

Дерек сделал шаг. Один. Потом второй. Нога слушалась плохо, она словно забыла, как это — ходить. Но она работала.

Он поднял глаза и увидел Анель. Она стояла у двери и смотрела на него широко раскрытыми, блестящими глазами. Пучок травы выскользнул из её пальцев и упал на пол. Она этого даже не заметила.

— Ты идёшь, — сказала она одними губами.

— Иду, — ответил он и улыбнулся.

Анель вдруг рассмеялась. И выбежала за дверь. Дерек проводил её взглядом, чувствуя странную пустоту от того, что она ушла.

— Не обращай внимания, — сказала Берта, перехватив его взгляд. — Девочка вложила в тебя много сил. Такое даром не проходит.

Через неделю Дерек уже мог ходить на короткие расстояния без посторонней помощи. Он вышел во двор. Впервые за месяц вдохнул воздух, не пропущенный через стены старого дома.

Анель сидела на своей скамье у крыльца и смотрела на закат. Он подошёл и сел рядом. Осторожно переставляя и приволакивая ногу.

— Ты избегаешь меня, — сказал он.

— Я опасаюсь.

— Чего?

Она не ответила. Только плечи чуть дрогнули.

Они сидели молча и смотрели, как солнце опускается за верхушки елей. Небо из серого становилось розовым, потом

алым, потом начало темнеть. Пахло хвоей, сырой землёй и травами — тем самым запахом, который теперь навсегда будет связан для Дерёка с этим местом.

— Завтра я уезжаю, — сказал он.

Анель вздрогнула, но головы не повернула.

— Я знаю. Бабушка сказала, что ты уже можешь ехать.

Остальное долечат дома.

— Анель...

— Не надо, — перебила она тихо. — Не говори ничего.

Он замолчал. О чём тут говорить? Обещать, что вернётся? Что будет помнить? Что она спасла ему не только ногу, но, возможно, и жизнь? Все слова казались пустыми, ненужными.

Он уже собирался встать и уйти в дом, когда дверь отворилась и на пороге возникла Берта.

— Ну что, — сказала она, уперев руки в бока. — Готов отправиться восвояси, милорд?

Дерек медленно поднялся.

— Да. Я благодарен тебе, Берта. И готов дать всё, что попросишь. Золото, помощь. Назови цену.

Берта усмехнулась.

— Не меня благодари. Я своё отходила. А вот внучка... — Она перевела взгляд на Анель, и в этом взгляде было что-то, чего Дерек не понял. — Спроси у неё.

И ушла в дом, плотно притворив за собой дверь.

Они остались вдвоём во дворе. Сумерки сгущались. Где-

то в лесу уже начинал свою песню первый сверчок.

— Что ты хочешь? — спросил Дерек. Голос прозвучал хрипло.

Анель встала со скамьи. Она была невысокой, едва доставала ему до плеча. Но сейчас, в сумерках, с распущенными светлыми волосами, казалась выше, старше, словно и не восемнадцать ей было вовсе.

— Подари мне одну ночь, — сказала она.

Дерек нахмурился.

— Чего?

— Одну ночь. Я хочу почувствовать себя любимой и желанной. Хотя бы раз в жизни.

Он отшатнулся. Такого он не ожидал.

— Ты не понимаешь, о чём просишь.

— Понимаю. — Она смотрела ему прямо в глаза, и он впервые заметил, какие они у неё — серые, чистые, с золотыми искорками от огня, горевшего в доме. — Очень хорошо понимаю.

— Я женюсь на какой-нибудь благородной даме, — сказал он резко, почти грубо. — И никогда не приведу девчонку из леса в своё поместье. Ты готова отдать свою честь первому встречному, который через день о тебе забудет?

Слова вылетели жёсткими, почти жестокими. Но Анель не отшатнулась и не опустила глаз.

— Ты не первый встречный, — сказала она тихо. — Я была рядом, когда ты метался в агонии и звал отца. Я держала

твою руку, когда ты стонал от боли и не узнавал никого вокруг в первые дни. Может быть, ты не успел разглядеть меня за эти дни. Но я успела увидеть тебя.

Дерек молчал. Он, пожалуй, разглядел её очень хорошо. Но впервые в жизни хотел поступить благородно. А тут такое.

— Если ты не хочешь дать мне то, что я прошу, — продолжала она, — просто уезжай. Завтра утром. Я не буду держать зла.

Она повернулась и пошла к дому. Её спина была прямой, шаги — ровными. Она не оглядывалась.

И тогда Дерек, не успев осознать своего порыва, сказал:

— Подожди.

Она остановилась.

— Хорошо, — произнёс он, и сам услышал, как фальшиво-небрежно звучит его голос. — Хорошенькая девушка сама просит провести с ней ночь. Как я могу отказать?

Анель обернулась. Лицо её было бледным, но спокойным.

— Иди за мной, — сказала она и протянула его за руку.

Она привела его в старую баньку на заднем дворе. Там было тепло — видно, Анель днём стирала. В маленьком оконце дрожал свет одинокой свечи. На лавке лежало чистое одеяло.

Анель вошла первой. Он — следом, опираясь о стену.

— Зачем здесь? — спросил он.

— В доме бабушка спит. А здесь нам никто не помешает.

Она говорила спокойно, но пальцы, которые пытались развязать шнуровку платья, чуть дрожали. Дерек заметил это и вдруг почувствовал прилив нежности к девушке. Он перехватил её руки.

— Не надо, — сказал он. — Я сам.

Она замерла. Он медленно распустил верёвочку на её платье. Ткань соскользнула с плеч. В вечернем свете её кожа казалась почти прозрачной.

— Ты очень красивая, — сказал он, и на этот раз это не было пустой любезностью.

— Не надо слов, — прошептала она. — Просто будь со мной.

И он был.

В эту ночь не было господина и простой деревенской девчонки. Бедности и богатства, прошлого и будущего. Только дыхание, тепло, биение сердец. Шёпот её имени и его руки, бережно скользящие по спине. Её глаза — огромные, доверчивые, смотрящие на него так, словно он был всем миром.

Потом они лежали, обессиленные, и смотрели, как оплывает свеча. Её голова покоилась на его плече. Его пальцы рассеянно перебирали её волосы.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О том, что завтра уеду.

— Это действие. А я спросила про мысли.

Он усмехнулся.

— Тогда о том, что ты странная. Я так и не разгадал тебя.

Я никогда не встречал таких девушек, как ты.

— Это плохо?

— Не знаю, — честно ответил он. — Скорее, хорошо. Я навсегда тебя запомню.

Она приподнялась на локте и заглянула ему в глаза.

— Я не жалею, — сказала она. — Чтобы ни случилось дальше. Слышишь? Я не жалею.

Он поцеловал её в лоб. Она вздохнула и снова устроилась у него на плече.

Свеча догорела и погасла. Они уснули в темноте, под шум ветра и далёкий крик ночной птицы.

Утром Дерек проснулся один.

Одеяло, которым они укрывались, было аккуратно сложено в ногах. Его одежда, разбросанная накануне, висела на крючке у двери — чистая. Рядом стояли сапоги. Кто-то позаботился обо всём, пока он спал.

Он оделся, размялся и медленно вышел во двор.

У крыльца уже стояла знакомая повозка. Тоб, приехавший на рассвете, сидел на козлах и что-то жевал, завёрнутое в тряпицу. Увидев господина, он засуетился, начал слезать, но Дерек махнул рукой — сиди.

Анель стояла у калитки. В том же платье, что и вчера. Со спокойным лицом. Только глаза были чуть припухшими — но, может быть, ему показалось.

— Вот и всё, — сказала она.

— Анель...

— Не надо, — она приложила палец к его губам. — Ты уже всё сказал вчера. И я всё сказала. Поезжай.

Он взял её руку и сжал в своей. Она не отняла, но и не ответила на пожатие.

— Если тебе что-нибудь понадобится... — начал он.

— Мне ничего не нужно. У меня всё есть. — Она чуть улыбнулась. — Поезжай, Дерек.

Он впервые услышал, как она назвала его по имени. Просто Дерек. И от этого простого слова что-то болезненно жалось в груди.

Он сел в повозку. Тоб тронул лошадей. Дерек обернулся.

Анель стояла у калитки и смотрела ему вслед. Ветер трепал её светлые волосы, а в руках она держала небольшой левой букет, который она успела собрать на заре, когда Дерек ещё спал. Скромные ромашки, колокольчики и несколько стеблей высокой, серебристой травы.

Дерек вдруг, повинуясь неожиданному порыву, остановил повозку. Он спрыгнул на землю, прихрамывая, подошёл к ней и, не говоря ни слова, сорвал с ближайшего куста тонкую ветку с мелкими, резными листьями. Ветка пахла резко, горьковато и терпко.

— Зачем это? — спросила Анель, глядя на его руки.

— Чтобы у тебя было что-то от меня. — Он протянул ей ветку. — Я не умею дарить цветы, но эта... она, кажется, подходит тебе. Я не знаю, как она называется.

Анель взяла ветку, поднесла к лицу и вдохнула её горький, пряный запах. Уголки её губ дрогнули.

— Это полынь, — сказала она тихо. — У неё очень горький запах. Многие не выносят его.

— Значит, убери, — сказал Дерек, и в голосе его прозвучала резковатая нота.

Но Анель покачала головой и прижала ветку к груди, рядом с ромашками.

— Нет. Я оставлю её. — Она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде было что-то такое, отчего у Дерекса сжалось сердце. — Этот букет и эта ветка будут напоминать мне о тебе. О том, какой ты есть. Горький, колючий... но единственный.

Дерек хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он лишь кивнул, развернулся и, тяжело опираясь на трость, забрался обратно в повозку.

Анель не плакала и не махала рукой. Просто стояла и смотрела.

Дерек отвернулся и уставился в небо. Повозка тряслась на ухабах, больная нога ныла, но он почти не замечал этого. В носу ещё стоял тот горький, пряный запах, и он понял, что запомнит его надолго. На всю жизнь.

«Что я наделал?» — подумал он.

И сам себе ответил: «Ничего. Ровно то, о чём она просила».

Но легче от этого не становилось.

Дома его встретили с радостью и изумлением. Лорд Эдгар, увидев сына, идущего — пусть и с поддержкой, — не смог сдержать слёз. Рико хлопотал вокруг, отдавал распоряжения, готовил комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.